

происходит конструирование инвалидности, возможна на основе следующих критериев:

- 1) степень формализации правил или социокультурных ограничений: формальные и неформальные;
- 2) функциональная определенность, способы и возможности удовлетворения потребностей инвалидов;
- 3) различия в занимаемых индивидом объектно-субъектных позициях в рамках конкретных социальных институтов.

Матричная модель инвалидности формируется на основе тесных межинституциональных взаимосвязей. Исключение или неполноценное функционирование одного из элементов матрицы ведет к дисфункциям и разрушению всего "институционального пространства", в пределах которого объективируется инвалидность как социальный феномен.

Указанная социальная матрица действует как сложный институциональный комплекс на основе необходимости удовлетворения специфических потребностей инвалидов, представляющих в обществе отдельную социальную группу. Ее формирование и оформление в российском обществе осуществляются на основе регулирующей функции государства, заключающейся в создании равенства возможностей всех членов общества.

Конструирование новой институциональной модели социальной среды инвалидов позволит изменить подходы к решению стратегических задач социальной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья. При этом необходимы такие институциональные изменения, которые способствовали бы формированию толерантных установок (особенно молодого поколения) к лицам, обладающим теми или иными формами нетипичности. Такие изменения также должны происходить на уровне духовно-практических явлений: культурной ментальности, общественного сознания, общественного мнения, социальных установок, ценностей и т.д., путем перестройки содержательных основ социокультурных институтов.

Л. Л. Крутлик

О ПОНЯТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

В общей теории права вопрос о понятии законодательной техники остается дискуссионным. В частности, до сих пор не

определена сфера приложения последней, не очерчено пространство ее действия.

Так, нередко ее отождествляют с техникой юридической, что неточно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, юридическая техника, как категория более широкая по предмету, охватывает собой процесс "изготовления" не только собственно законов, но и иных нормативных актов. Во-вторых, она имеет отношение и к правотворчеству, и к интерпретационной практике, и к правоприменительной деятельности, т.е. по сфере применения она шире. Законодательная же техника призвана "дать законы", сформулировать их, т.е. касается правотворческой деятельности государства. Следовательно, в случаях, когда речь ведется о технике правоприменения, о толковании, а равно и о выработке любых нормативно-правовых актов, точнее оперировать выражением "юридическая техника". В этом плане законодательная техника, как используемая лишь в правотворческой деятельности, к тому же в процессе "изготовления" только законов, представляет собой важнейшую, но и в то же время одну из разновидностей юридической техники¹. Следует поэтому поддержать мнение о том, что "юридическая техника встроена во все уровни и сферы функционирования права, во все формы реализации воли правоустановителя: 1) в сфере правообразования она применяется на уровнях — законотворческом, нормотворческом, правотворческом; предметом ее воздействия выступают законы, нормативно-правовые акты, индивидуальные правовые акты; 2) в сфере правоприменения и интерпретации (толкования) правовых актов она используется в случаях "применения" правовых актов к конкретному случаю.

Своеобразную позицию по данному вопросу занимает В. М. Сырых. По его мнению, спорен взгляд, согласно которому "законодательная техника представляет собой часть юридической техники..."².

Конечно же, законодательная техника — это не часть, а вид юридической техники, и в этом вопросе с автором следовало бы безусловно согласиться. Однако им подразумевается другое — качественное различие сопоставляемых понятий, которое обуславливает "и качественное различие предметов законодательной и юридической техники. По крайней мере, в этих юридических дисциплинах больше различий, чем общих черт"³. В чем же состоят эти различия? "Теория права, логика и грамматика выступают основанием законодательной техники, — заявляет автор, — а юридическая техника имеет своим предметом закономер-

сти правоприменительной деятельности государства, его органов"⁴. Нетрудно видеть, что здесь нарушены элементарные логические правила сопоставления понятий: в одном случае говорится об основании, в другом — о предмете явления. Можно думать, что теория права, логика и грамматика к практике правоприменения отношения не имеют. В конечном итоге В. М. Сырых "замыкает" законотворческую технику на сфере проектирования законов (что нам представляется правильным), а юридическую технику — на правоприменении.

Вряд ли с таким противопоставлением сопоставляемых явлений можно согласиться. Юридическая техника — понятие родовое. Сущностные признаки юридической техники как родового понятия должны быть характерны для всех ее разновидностей, для всех сфер применения. Разумеется, сказанное не исключает, а предполагает наличие особенностей в видовых признаках, это касается и законодательной, и интерпретационной, и правоприменительной техники. Имеются такие различия (по субъектам, содержанию и виду актов и т.д.) и между подвидами в пределах одного и того же вида, скажем, интерпретационной техники.

Кроме того, в литературе законодательную (и в целом — юридическую) технику трактуют по содержанию в одних случаях в широком, а в других случаях в узком смысле слова. В широком смысле, как считают некоторые ученые, она охватывает "как разработку решений по существу (курсив наш. — Л. К.), так и разработку решений, называемых обычно решениями технического порядка. Иначе говоря, она охватывает собой и операции по подготовке правовых норм с точки зрения их существа, их содержания, и операции, при помощи которых решения по существу приобретают свою специфическую форму выражения"⁵. Исходя из такого понимания, утверждают, что "юридическая (законодательная, нормотворческая) техника — совокупность правил и приемов подготовки, формирования и опубликования нормативных правовых актов"⁶ или "совокупность специфических средств, правил и приемов наиболее оптимального правового регулирования общественных отношений"⁷.

Узкое понимание законодательной техники связывается со стадией "собственно технического построения норм с присущими ей техническими средствами и приемами, ибо иначе невозможно было бы понять, каким образом специфические приемы, при помощи которых правила поведения, формулируемые законодателем на основе познания и оценки правообразующих факторов,

получают специфическое выражение и специфическую функциональную способность"⁸.

В широком понимании законодательная (и в целом — юридическая) техника смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов; она "охватывает не только правила разработки нормативных актов, но и фактическое состояние организационно-технической подготовки нормативных материалов, структуру и изложение нормативных актов, состояние публикации этих актов в официальных изданиях"⁹. Можно говорить о широком понимании законодательной и юридической техники также в случаях, когда в ее определение помимо средств и приемов построения норм включают либо организационные, либо процедурные правила (организации законоподготовительной деятельности, процедуры принятия нормативно-правовых актов их опубликования)¹⁰.

В настоящее время в отечественной общей теории права преобладающим становится мнение о необходимости придерживаться узкого понимания юридической и законодательной техники, исключающего процедурно-процессуальные моменты той или иной стадии правотворческого процесса. Так, С. С. Алексеев определяет юридическую технику как "совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства", связывая это понятие "с определенной организацией правового материала и его внешним изложением, в первую очередь с выражением структуры права"¹¹. А. Нашиц также характеризует законодательную технику в качестве комплекса методов и приемов, призванных придавать соответствующую форму содержанию правовых норм¹².

Однако и среди сторонников узкой трактовки упомянутого понятия отсутствует понимание относительно элементов, включаемых в его содержание: говорят о совокупности (комплексе) средств; средств и приемов; методов и приемов; правил; правил и приемов; средств, правил и приемов; принципов, средств и правил; средств и операций и т.д. Видимо, такое положение не случайно, ибо "юридическая техника — явление многогранное"¹³.

При всей сложности этого правового явления можно выделить те элементы, которые составляют сердцевину, "ядро" последнего: к ним следует отнести технические средства и технические приемы. При этом, как справедливо замечает С. С. Алексеев,

при теоретическом истолковании юридической (законодательной) техники необходимо выдвинуть ее субстрат, "так сказать, ее субстанциональную сторону — средства, а вслед за тем и приемы..."¹⁴. Таким образом, именно средства и приемы (методы, способы) составляют основное содержание юридической и законодательной техники. Что же касается такого элемента, как правило, нередко выделяемого в качестве самостоятельного компонента юридической (законодательной) техники, то относительно него верно указывается, что речь идет о такой стороне нормотворческой и правоприменительной техники, которая "характеризует использование технических средств и приемов, относящиеся в основном к внешней форме"¹⁵. Именно в таком смысле, как нам представляется, задействовано в наименовании главы IV проекта закона "О нормативных правовых актах Российской Федерации" обозначение "Правила законодательной техники". В главе речь идет о реквизитах нормативно-правового акта, содержании его возможной преамбулы, строении этого акта (статьи, абзацы, главы и разделы и т.д.), использовании определений специальных терминов, случаях допустимых повторений и ссылок и т.п.

Резюмируя сказанное, отметим, что, во-первых, применительно к уголовному законодательству целесообразно оперировать понятием законодательной техники. В случае, когда анализу подвергается правоприменительная деятельность, в частности встает вопрос о технике применения уголовного закона, следует использовать уже иное, более емкое понятие — юридическая техника¹⁶. Во-вторых, понятие законодательной техники в узком смысле наиболее адекватно отражает его суть и значение в нормотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе в сфере уголовного права. Недопустимо, с одной стороны, расширять его рамки за счет положений организационно-процессуального (процедурного) характера, а с другой — ограничивать его словесно-документальной формой того или иного нормативно-правового предписания либо же строением (структурой) нормативного акта и составляющих последнего (разделов, статей и т.д.). В-третьих, основными составляющими содержания законодательной техники элементами являются средства и приемы, с помощью которых содержание нормы объективируется, она приобретает соответствующую форму. Отсюда под законодательной техникой необходимо понимать совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию норм соответствующей формы. Вполне приемлемо уточнение о том, что надо вести речь о "не-

материальных" средствах, используемых в процессе выработки законов¹⁷.

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 267.

² Сырых В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законодательная техника современной России: Состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 15. Противоположную позицию занимал И. Л. Брауде, считавший, напротив, что юридическая техника является частью законодательной (см.: Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 55).

³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 15–16. Сходная мысль высказана в теории уголовного права И. А. Семеновым: юридическая и законодательная техника — два самостоятельных элемента правотворческого процесса, хотя и тесно связанные между собой и взаимодополняющие друг друга (см.: Семенов И. А. Законодательная техника в уголовном правотворчестве. Тюмень, 1998. С. 59).

⁴ Сырых В. М. Указ. соч. С. 15.

⁵ Нашиц А. Правотворчество: Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 138.

⁶ Бабаев В. К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах: Учеб. пособие. Горький, 1990. С. 68.

⁷ Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 100.

⁸ Нашиц А. Указ. соч. С. 138. См. также: Юков М. К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5. С. 46–47.

⁹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1962. С. 185.

¹⁰ См.: Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства: Вопросы теории. М., 1977. С. 89–90.

¹¹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 267.

¹² См.: Нашиц А. Указ. соч. С. 144. В уголовно-правовой теории к этому взгляду примыкает Е. В. Ильюк, трактующая законодательную технику как систему принципов, средств и правил построения законодательных актов и отдельных статей (см.: Ильюк Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6).

¹³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 271.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 248–249.

¹⁷ См., напр.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 268; Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Т. 6. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 121; Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 16.